

Раймонда Рагаускене

Шуты, карлики и другие маргинальные группы на дворах магнатов Великого княжества Литовского в XVI в.

Перефразируя слова Беатрис К. Отто,¹ можно сказать, что шуты существуют во все времена, и никто из нас не защищен от того, чтобы стать ими. Здесь я представлю не современное понимание этого феномена, а традиционный, профессионально конкретизированный, существовавший во многих культурах исторический тип дворцового весельчака, в данном случае – на дворах магнатов Великого княжества Литовского в XVI в. К этому особому социальному феномену принадлежали: 1) шуты, 2) карлики, 3) другие лица, привлекающие своей необычной внешностью, такие как «черные люди» (так называли чернокожих представителей Африки) или «синие люди» (арабы)².

Историки обращали внимание на некоторых шутов великого князя литовского Витовта (Витаутаса) и представителей династии Ягеллонов³.

¹ Otto Beatrice K. *Fools Are Everywhere: The Court Jester Around the World*. Chicago, 2001.

² C. Todd White. *The Anthropology of Fools // Fools And Jesters In Literature, Art, And History: A Bio-Bibliographical Sourcebook* / Ed. by Vicki K. Janik. Westport, 1998. P. 33–39; Rubini Messereli L. *The Death of the Royal Dwarf*. Mari-Barbola in Velazquez's *Las Meninas* // *Beiträge zur kulturwissenschaftlichen Erzählforschung*. Hans-Jörg Uther zum 65. Geburtstag. Berlin, 2009. P. 327–329.

³ Wilska M. *Błazen na dworze Jagiellonów*. Warszawa, 1998; Ferenc M. *Dwór Zygmunta Augusta. Organizacja i ludzie*. Kraków, 1998; Čapaitė R. *Vėlyvųjų viduramžių epistolika – kasdienio gyvenimo atspindys (pagal Lietuvos didikio kunigaikščio Vytauto ir jo amžininkų korespondenciją) // Vytautas Didysis ir jo epocha. Straipsnių rinkinys (2000–2010) / Sud. B. Balčytienė. Trakų istorijos muziejus, 2010. P. 66–67; Petrauskas R. *Vytauto dvaras: struktūra ir kasdienybė* //*

Остальные представители смеховой культуры на дворах магнатов Литвы все еще остаются «белым пятном» в историографии.

Шуты в Европе

Феномен, который сегодня мы определяем одним широким понятием «шута», за время его существования в Европе называли по-разному: шут и шутник, дурак и карлик, клоун, арлекин, комик, скоморох, жонглер и т. п., даже демон и дьявол. Как и проститутки, они сохранились дольше других в группе, к которой общество относилось негативно, не включая их в группу профессий «*familia Christi*». Они осуждались, но вместе с тем их и боялись⁴. Существование профессиональных шутов отмечено уже в древнем мире – Египте, Греции и Риме. Шут стал неотъемлемым атрибутом на средневековых дворах и в период Возрождения XIII–XV вв., когда окончательно сформировался его костюм и образ. Типичного шута мы видим на иллюстрациях Альбрехта Дюрера в книге Себастьяна Бранта «Корабль дураков» (1494 г.)⁵.

На всех дворах в средневековый период социальное положение шута было очень низким, они считались частью движимого имущества своего владельца. Трагическая судьба их ожидала в деспотических государствах, например, в Великом княжестве Московском во время правления Ивана Грозного. Вообще, в Московии юмор был немного другого свойства, европейцам он казался слишком грубым, унижающим человеческое достоинство⁶.

Значение шута выросло в эпоху Возрождения. В XV в. были созданы их первые портреты, например, портрет знаменитого итальянского шута Гонелли (автор Я. Фуке, около 1442 г.). В XVII в. целую портретную галерею шута Калабацила (около 1637–1639 гг.) и других придворных шутов создал

Naujasis Židinyš-Aidai. Nr. 1–2. Vilnius, 2003. P. 41; Marchwińska A. Królewskie dwory żon Zygmunta Augusta. Toruń, 2008. P. 102–103, 149–151; Ragauskienė R. Dvaro juokdario «institutus» Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV a. pabaigoje – XVIII a. pradžioje // Naujasis židinyš-Aidai. Nr. 4. Vilnius, 2011. P. 262–270.

⁴ Sznajdermann M. Błazen. Maski i metafory. Gdańsk, 2000. S. 17–18.

⁵ О костюме шута в Польше: Pokora J. Psy, błazny, dzieci, królowie. Studia nad sztuką XV–XVIII w. Warszawa, 2006. S. 41–52; Słowiński M. Błazen. Dzieje postaci i motywu. Warszawa, 1993. S. 20.

⁶ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2002. С. 381; Карагодина С. В. Козимо Медичи и Иван Грозный: природа смеха и природа власти // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 61–62.

Д. Р. Веласкес⁷. Началось признание человеческих прав шутов.

Взять, к примеру, шута Пантагрюэля в произведении Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533–1564 гг.). Его имя обозначало «умеющий все» – он непочтителен, свободен, мудр, но в то же время и обманщик – дурак как шут двора, дурак как спутник, дурак как критик мира⁸.

В XVII в. должность шута переживает упадок, его место на дворе заняли остроумные придворные и поэты. По сути, шута «перенесли» в художественную литературу⁹. С другой стороны, в России как раз в это время наблюдается апогей его популярности.

В XVI–XVII вв. на дворах правящих монархов в Италии, Франции и других странах популярность приобрели карлики. Дорогу им открыла мода барокко к странностям. Она закончилась в начале XVIII в. Любопытно, что в России карлики оставались популярными вплоть до Октябрьской революции.

Шуты и карлики на дворах литовских правителей

Европейская традиция запаздывала в Литве вплоть до конца XIV в. Литовцы-язычники в своем пантеоне, судя по всему, не имели божества, «ответственного» за юмор. С антропологической точки зрения с миром смеха могут быть связаны отдельные мифологические существа, такие как демоны, дьяволы, ведьмы, воздушные змеи и даже луна. К луне как хранителю здоровья и юности литовцы обращались в своих древних молитвах: «Ты нам светишь всегда, нас развлекаешь. При твоём виде мы становимся спокойными и веселыми»¹⁰.

Первые представители правящей династии Гедиминовичей обладали чувством юмора. Например, великий князь Литвы Кейстут (Кестутис), отправляясь в 1366 г. на переговоры (то есть в мирное время) с великим магистром Немецкого ордена Генингом Шиндекопфом, по пути разбил отряд рыцарей, взял в плен 50 человек и их лошадей из замка Исруть. На встречу с магистром Кейстут и его люди прибыли как раз на этих лоша-

⁷ Bass R. L. The Drama of the Portrait. Theater and Visual Culture in Early Modern Spain. Pennsylvania, 2008. P. 103 etc.

⁸ Kuosaitė E. Rablè juoko galia ir prasmė // Rablè. Gargantiua ir Pantagriuelis. Vilnius, 1987. P. 670.

⁹ Brown A. The Medici in Florence: The exercise and language of Power. Florence, 1992. P. 63–65.

¹⁰ Greimas A. J. Apie Dievus ir žmones. Lietuvių mitologijos studijos. Chicago, 1979. P. 172. Происхождение молитвы из местности Рокишкис.

дах. Смущенный начальник Исрутского замка, опознав своих лошадей, сказал Кейстуту, что он этого не ожидал. Литовский князь ему кратко ответил: «Такие нынче времена»¹¹.

Первые шуты на дворах литовских правителей появились (точнее, известны лишь с этого времени) во времена правления великого князя Ягайло. Шуты и карлики были на дворе Витовта, которыми он обменивался с великими магистрами Немецкого ордена. Например, в 1421 г. Витовт послал магистру Михалу Кюхмейстеру одного карлика-русина. Любопытно, что в письме он его описал как «века достаточного и не говорит по-литовски».

С середины XV в. шутов стали постоянно нанимать на дворы великих князей литовских. В историю вошли известные по именам шуты Пихер, Олеск, Твара, Гене (по-другому – Ганус Рыцарь)¹². Почти все они, в отличие от карликов, владели грамотой, хотя и были низкого происхождения.

В Европе в конце XIV – начале XV в. стало популярным иметь чернокожих или мавров, захваченных во время военных походов или купленных у работорговцев. Наверняка, такие экзотические типажи были и у литовских монархов. Интересно, что среди подобных лиц на Западе упоминались и литовцы, как, к примеру, двое литовских детей, купленных графом Дербским в 1390 г. во время похода крестоносцев в Литву и в книге расходов упомянутых среди таких покупок как орехи¹³.

XVI в. нередко характеризуют как апогей в истории смеха, отражением чего стал знаменитый роман Франсуа Рабле¹⁴. По крайней мере, число шутов и карликов на дворах правителей Литвы было действительно рекордным – здесь одновременно находилось по 2–3 шута. Они, как правило, были грамотными, а некоторые даже владели иностранными языками (обычно латынью), были осведомлены в истории, и, как свои пять пальцев, знали реалии двора.

Примером этому служит уникальная личность легендарного шута Сигизмунда Старого Станчика (прозвище от имени Станислав), чье имя ста-

¹¹ Vygandas Marburgietis. Naujoji Prūsijos kronika. Vilnius, 1999. P. 66, 136.

¹² Исследователи больше всего писали о шуте Гене: Codex epistolaris Vitoldi 1376–1430 / Wyd. Prochaska A. Kraków, 1882. S. 798–799; Prochaska A. Trefniś Henne u Witołda // Przewodnik naukowy i literacki. 1880. R. 8. S. 653–664; Čapaitė R. Op. cit. P. 66, 67; Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kasdienis gyvenimas, Lietuvos istorijos skaitinių chrestomatija / Sud. A. Baliulis, E. Meilus. Vilnius, 2001. P. 17.

¹³ Petrauskas R. Op. cit. P. 27.

¹⁴ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 115.

ло синонимом шута. Его легенда сформировалась еще в XVI в. О нем писали, присваивая различные анекдотические истории, Ян Кохановский (хвалил остроту его ума), Миколай Рей, Петр Роизий, Лукаш Гурницкий, Клеменс Яницкий, Мартин Бельский, Мартин Кромер и Станислав Ожеховский (остро критиковал его). Образ этого шута в культуре еще более закрепил знаменитый художник Ян Матейко, изобразивший Станчика в течение 1856–1884 гг. на десяти полотнах. В XIX–XX вв. его феномен старались раскрыть А. Грабовский (1819 г.), В. Войцицкий (1830 г.), Л. Голембевский (1830 г.), И. Ю. Крашевский (1839 г.), М. Бобжиньский (1883 г.) и Ю. Кжижановский (1958 г.).

Большое влияние на развитие юмора во время правления Сигизмунда Августа имела культура Ренессанса: шутов (на счетах великокняжеского двора мы встречаем имена семи шутов – Каспара, Клайндинста, Станислава Бедлка, Александра Диогена, Станчика, Станислава Гонского и Себастьяна Гузмана) этот монарх стал заменять карликами. Известно шесть их имен: Януш, Андрей, Андрей Конеровский, Крупский, Лазарь и Лукаш. Еще трое дворян – Богдан и Войтех Рыльские, некий Миколай – присматривали за ними (наверное, тоже карлики). Карликов на дворе Сигизмунда Августа могло быть и больше. Известно, что от императора Священной Римской империи Карла V он получил двух 2 карликов, сам подарил ему литвина Ворону (Wrona)¹⁵, который принял участие в рыцарском турнире в Брюсселе. Среди карликов преобладали поляки, хотя были русины и литовцы.

Женщины также наслаждались обществом карликов, как мужчин, так и женщин. Карлица королевы Боны грамотная Досечка уехала в Швецию вместе с Катариной – младшей сестрой Сигизмунда Августа¹⁶. Другая ее карлица Марина получила 2 волоки земли и дом в Нареве, который по ее просьбе Сигизмунд Август освободил от уплаты налогов¹⁷. Хорошо известный карлик Барбары Радзивилл Окула, так же, как и карлица Катерины Габсбург, был чернокожим¹⁸.

После прекращения династии Ягеллонов мода на карликов продолжала

¹⁵ Pietrzak J. Karły na hiszpańskim dworze królewskim w epoce nowożytnej [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://histmag.org>. Дата доступа: 15.05.2013.

¹⁶ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, rkps 2743 II. 10.08.1562. Wyprawa Katarzyny Polskiej, xiężny Finlandzkiej.

¹⁷ Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 44. Кніга запісаў 44 (1559–1566) / Падр. А. І. Груша. Мінск, 2001. №. 47. С. 59.

¹⁸ Ragauskienė R. Barbora Radvilaitė, Vilnius, 1999. P. 145; Marchwińska A. Op. cit. S. 102–103, 149–151.

переживать свой расцвет. Стефану Баторию служило 8 человек, 16 лилипутов было у Сигизмунда Вазы. Один из карликов Стефана Батория Мартин Жук имел дом в Мщонове, а в 1593 г. он получил от Сигизмунда Вазы 45 волок земли в Биржайской волости Жемайтии. Другой карлик Бартоломей Ляховицкий в конце XVI в. имел 2 волоки земли в Городенском старостве и право торговли напитками¹⁹.

Образ неизвестной карлицы Цецилии Ренаты был вырезан на гробе королевы. Карлики ухаживали за детьми монархов и играли с ними. Маленький Сигизмунд Ваза любил фехтовать с выше упомянутой Досечкой. В 1638 г. из Вены специально для карликов Барелки, Павелка и Карпицкого был прислан заказной подарок. На счетах двора Яна Казимира Вазы зафиксирована оплата в размере 231 злотый за одежду одному чернокожему шуту и двум карлика²⁰.

Разумеется, по количеству карликов дворы королей Речи Посполитой не могли превзойти знаменитый испанский двор, где в свое время находилось более 20 карликов. Возможно, последний профессиональный шут на королевском дворе был немцем – Кияв у Августа III. Станислав Август Понятовский шутов уже не имел²¹.

Шуты, карлики на дворах магнатов Литвы в XVI в.

Сведения о шутах на дворах магнатов ВКЛ имеются только с середины XVI в. Но это не означает, что профессиональные весельчаки не имелись на дворах таких магнатов, как Радзивиллы или Гаштольды. Так мы можем судить по аналогии с польскими магнатами.

Известна, к примеру, история о том, как краковский воевода Петр Кмита (1477–1553 гг.) публично нанес удар в лицо своему шуту Яшке, а тот ответил пощечиной, но только уже лежавшему в гробу. Станислав Самостжельник нарисовал играющего с собакой шута коронного канцлера Криштофа Шидловецкого (1467–1532 гг.).

Косвенные высказывания о шутах можно найти в переписке магна-

¹⁹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 389, оп. 1, д. 77, л. 448 об.–449, 463; д. 84, л. 221 об.–222; д. 96, л. 73–73 об.

²⁰ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, rkps 1729, k. 80; Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci. Pamiętnik lekarza króla Władysława IV / Opr. E. Galos, F. Mincer. Wrocław etc., 1968. S. 83, 102; Fabiani B. Niziołki, łokietki, karlikowie. Z dziejów karłów nadwornych w Europie. Warszawa, 1980. S. 26–32; Fabiani B. Na dworze Wazów w Warszawie. Warszawa, 1988. S. 57.

²¹ Gloger Z. Encyklopedia staropolska. T. 1. Warszawa, 1974. S. 54.

тов ВКЛ. Так, клиент виленского каштеляна Юрия Радзивилла Ян Гайко в письме, датированном 1530 г., передал слова королевы Боны о слугах Радзивилла, которых она называла шутами. Среди пословиц того времени можно найти такие: «не будь шутом», «шуты везде полно», «шута узнаешь и без колокольчиков»²².

Конкретные свидетельства источников показывают, что у магнатов ВКЛ служили, как правило, карлики и люди экзотического происхождения. Целый отряд чернокожих, которые были обучены игре с мячом, на своем дворе имел канцлер и виленский воевода Миколай Радзивилл Черный. После его смерти в 1565 г. их забрал себе двоюродный брат магната Миколай Радзивилл Рыжий и отдал их «учиться играть на трубах и барабанах»²³.

То, что чернокожие были известным, но еще не привычным элементом в структуре социального пейзажа ВКЛ, показывают аптечные вывески. В то время аптеки были своеобразной комбинацией аптеки, корчмы и магазина. В них вместе с лекарствами продавались экзотические, восточные специи, парфюмерия, кондитерские изделия, напитки и т.п. На вывесках старались подчеркнуть эту специфику. Среди тогдашних рецептов можно даже найти указания, что нужно смешать так, чтобы «стал черным, как чернокожий». В Литве, как и в Польше, возникла традиция на аптечных вывесках изображать африканских слонов или чернокожих людей. К примеру, в 1580 г. в Вильно действовавшая аптека Миколая Гамбины называлась «под чернокожими», точно так же, как и аптеки в Кракове, Варшаве и других городах²⁴.

Переписка магнатов Литвы хорошо показывает, что существовал большой спрос на карликов и экзотических «персонажей». Например, на дворах Радзивиллов в конце XVI – начале XVII в. служило сразу по несколько карликов. Альбрехт Радзивилл в 1578 г. посоветовал своему брату Радзивиллу Сиротке обратиться с просьбой к своему дяде М. Радзивиллу Ры-

²² Kieszkowski J. Kanclerz Krzysztof Szydłowiecki: z dziejów kultury i sztuki Zygmunтовских czasów. Poznań, 1912. Cz. 1–2. S. 102; Bardach J. Związek Polski z Litwą // Polska w epoce Odrodzenia / Red. Wyczański A. Warszawa, 1986. S. 116; Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (далее – AGAD), Archiwum Radziwiłłów (далее – AR), dz. V, nr 5080. 1530. Краков. Я. Гайко – Ю. Радзивиллу.

²³ Российская Национальная Библиотека в Санкт Петербурге, ф. 971, оп. 2, кол. авт. 234, № 25. 19.09.1567, Докудово. М. Радзивилл Рыжий – М. К. Радзивиллу Сиротке.

²⁴ Ragauskienė R. Vaistininkai XVI a. Vilniuje // Vilniaus istorijos metraštis. T. 1. Vilnius, 2007. P. 36–37.

жему и попросить у него карликов, так как знал, что он имел «изящных и маленьких, хотя были и постарше его»²⁵. У М. К. Радзивилла Сиротки в 1604 г. служило 4 карлика: Габриэль, другой, которого имени не знаем и который ухаживал за детьми князя, «маленький карлик» и карлица Маруся. Она получала жалованье, как и другие придворные дамы, то есть по злотому ежемесячно, не считая денег на одежду²⁶.

В 1604 г., после смерти Кристофа Радзивилла Перуна при расчете ренты его дворян указано сделать выплату 50 злотых его карлику Оникею. Известно, что во время военного похода в 1581–1582 гг. магнат похитил несколько карликов, служивших у московского царя и подарил их своей невесте Катарине Тенчиньской. Он сообщал, что «у одного борода была длиннее его самого».

На дворе первой жены К. Радзивилла Перуна Анны Собковны тоже служили карлик и карлица. Жены магнатов вели отдельную переписку, посвященную карликам. Их приобретали за границей: в 1582 г. Ян Барабовский привез княгине Слуцкой карлика и карлицу, которых выбрал сам князь Флоренций²⁷. Судя по всему, карлики были очень популярны в среде и католиков, и протестантов.

Присутствие юмора отражается в корреспонденции. Можно обнаружить множество разных пословиц, названия шутов, просто насмешки или шутки. Например, поговорку «*Panie Mikolaju sukienki nie mają*», которая возникла в конце XV в. в Саксонии и связана с шутком правителя Саксонии²⁸, в своем письме к Барбаре Радзивилл использовал ее брат М. Радзивилл Рыжий²⁹. Иногда в письмах недоразумения называются проделками шутов, так же как и недостойный ответ. Говорилось, что смех кормит писарей, часто упоминались шалости (*figlerstwa*)³⁰.

²⁵ Biblioteka Raczyńskich, rkps 78, nr 24, k. 56. 17.04.1578, Клецк. А. Радзивилл – М. К. Радзивиллу Сиротке.

²⁶ AGAD, AR, dz. II, ks. 68, l. 51, 83, 91–92, 160, 189, 198, 203. Книга доходов и расходов М. К. Радзивилла Сиротки 1603–1604 гг.

²⁷ AGAD, AR, dz. XI, nr 31; AR, dz. V, nr 16475. 07.05.1581, Осташино. З. Тризна – К. Радзивиллу Перуну; AGAD, AR, dz. IV, t. 22, кор. 289. 13.02.1581, Вильнюс; 02.11.1581, Псков. К. Радзивилл Перун – З. Тризине; AR, dz. V, nr 358. 07.05.1582, Венеция. Я. Барабовский – К. Слуцкой.

²⁸ Pokora J. Nosce te ipsum. Studium z ikonografii błazna. Warszawa, 1996. S. 32–38.

²⁹ Ragauskienė R., Ragauskas A. Barboros Radvilaitės laiškai Žygimantui Augustui ir kitiems. Vilnius, 2001. P. 191. 10.04.1549, Краков. Б. Радзивилл – М. Радзивиллу Рыжему.

³⁰ Как пример: AR, dz. V, nr 6187. 11.05.1601, Марциновичи. Ю. Юндзилл – К. Радзивиллу Перуну.

Остается неясным до конца вопрос о службе шутов на дворах магнатов. Известно, что польские магнаты вплоть до середины XVII в. нанимали шутов. Ян Смолик (около 1560–1613 гг.) даже создал могильную плиту для шута краковского каштеляна Северина Бонера Гонске. Поэт Ян Гавинский (около 1622–1684 гг.) посвятил свои стихи магнатскому шуту-шотландцу³¹.

В Польше карлики были чрезвычайно популярны. Альбрехт Станислав Радзивилл в своих мемуарах оставил заметку о свадьбе пары карликов в 1643 г. на дворе краковского каштеляна Станислава Конецпольского: «Молодожены сидели с нами у одного стола и потом танцевали. Что было с ними потом, со смеху невозможно описать»³².

Во второй половине XVII в., т.е. гораздо раньше, чем на королевских дворах, число карликов на дворах литовских магнатов стало уменьшаться. Возможно, этому способствовала католическая Контрреформация. Не менее важным фактором было упрощение структуры двора, наблюдавшееся с середины XVII в.

В XVIII в. укрепились новые тенденции французского церемониала. Все более утверждалось театральное искусство. В этом контексте шуты и карлики становились ненужными как атрибут двора и способ развлечения.

В истории Великого княжества Литовского XVI в. правящая элита высоко ценила веселивших ее шутов и карликов. Самые известные из них, их остроумие и анекдоты зафиксированы в источниках. Можно говорить об определенной роли таких людей в культурной жизни того времени в самом широком смысле. Иногда шуты и карлики, участвуя в несвойственных для них сферах жизнедеятельности, например, занимаясь долговым посредничеством или ходатайствованием за провинившихся людей, оказывали определенное воздействие и на политические интриги и события. Таким образом, они не остались маргиналами в жизни двора и, в общем плане – истории.

³¹ Cztery wieki fraszki polskiej / Opr. J. Tuwim, A. Brückner. Warszawa, 1937. S. 41, 110.

³² Kuchowicz Z. Obyczaje staropolskie XVII–XVIII wieku. Łódź, 1975. S. 359; Radziwiłł A. S. Pamiętniki o dziejach w Polsce / Opr. A. Przyboś, R. Żelewski. T. 2. Warszawa, 1980. S. 374–375.